

М. И. Барсуков

П. В. Долгоруков о царской России и о дуэли А. С. Пушкина с Дантесом

(Два письма кн. П. В. Долгорукова к М. П. Погодину. 1865 г.)

В моем архиве сохранились два интересных письма П. В. Долгорукова к М. П. Погодину, которые относятся к 1865 г.

Один из первых эмигрантов царской России, Долгоруков, жил тогда в изгнании в Женеве.

Личность Долгорукова, своеобразного протестанта против самодержавного режима, эмигранта из верхов дворянской аристократии, мало выяснена в нашей исторической печати. Кроме явно недостаточной статьи М. К. Демке (сначала в „Былом“, а затем в его книге „Николаевские жандармы и литература 1826—1855 г.“, СПб., 1909), посвященной биографии Долгорукова до его эмиграции, вообще не существует обзора политической и литературной деятельности Долгорукова. Между тем эта последняя заслуживает некоторого внимания Долгоруков издал за границей ряд книг и журналов: „Будущность“ (1860—1861), „Правдолюбивый“ (1862—1863), „Листок“, заключающих в себе не мало разоблачений из жизни верхов русского дворянства и бюрократии. Политическая программа Долгорукова, изложенная в его изданиях, характеризует настроение либерального дворянства, мечтавшего после ликвидации крепостного права о завершении царских реформ преобразованием России в конституционную монархию. В одном из своих заграничных журналов Долгоруков писал: „Самый чистый образ правления—республика, самый грязный—монархия. Но нельзя из монархии перейти сразу в республику, нужна демократическая монархия наподобие итальянской и бельгийской“.

Долгоруков вел свой род от Рюриковичей и не в шутку считал себя более правоспособным на престол, чем Романовы. Программа его была мажорно-дворянской, с необходимыми уступками в сторону нарождавшейся буржуазии и с ярко выраженным, говоря современным языком, фашистским уклоном: Долгоруков хотел и царя оставить и дворян с купцами приставить к власти. Но с наличной династией и ее слугами он находился в резкой вражде: разоблачал их в своих родословных изысканиях, судился с ними в заграничных судах и т. п. Парижский суд признал его однажды

виновным в шантаже по отношению к крупнейшему представителю придворной аристократии, князю Воронцову. Это произвело крайне тяжелое впечатление на тогдашнюю русскую эмиграцию. Тургенев писал по этому поводу Герцену: „Долгоруков нравственно погиб. Ты сделал все, что мог. Надо его было поддержать ради принципа, а теперь предоставь его своей судьбе“. А. И. Герцен поддерживал отношения с Долгоруковым, хотя не только относился отрицательно к его политической программе, но и весьма скептически к его личности. В одном письме Герцена можно прочесть: „Долгоруков едет в Лондон, в силу чего я ищу квартиру вне Лондона“. Несмотря на это, Герцен, например, пригласил Долгорукова присутствовать при посещении его дома Гарибальди и Мадзини в 1864 г.

О своем классе Долгоруков выражался так: „Царские дворяне и чиновничья орда состоят из худшей, гнилой части русского дворянства. У нас нет аристократии, нет высокого сословия; мы холопы и виноваты сами, потому что отделились от народа, помогли царям добить народ, выпросили крепостную власть и сами сделали холопами. Дворянство должно слиться с народом; если дворянство будет пытаться стать отдельным сословием и превратиться в олигархию наподобие Польши, то погубит себя и отечество. Если же русское дворянство устремится на открытую дорогу общественного равноправия, то будет иметь влияние несомненное и значительное, основанное на общественном мнении. Выборность, децентрализация и самоуправление—основы государственного строя“.

Повторяем, публицистическая деятельность Долгорукова за границей еще совершенно не обследована, и мы надеемся в дальнейших томах нашего сборника опубликовать ряд относящихся сюда материалов и прежде всего выяснить размер и характер литературной деятельности Долгорукова за границей.

Но есть и другой момент в биографии Долгорукова, который давно уже привлек внимание историков. Это—роль, сыгранная Долгоруковым в дуэли А. С. Пушкина с Дантесом. В 1863 г., когда Долгоруков был уже в эмиграции, а русская аристократия с ненавистью вспоминала его имя, вышла брошюра Аммосова „Последние дни и кончина Пушкина“, в которой на Долгорукова указывается как на вероятного автора анонимного письма, полученного Пушкиным и послужившего непосредственным поводом роковой дуэли. Долгоруков тотчас же написал опровержение, которое появилось сначала на страницах герценовского „Колокола“, 1 августа 1863 г., а затем и в сентябрьской книжке „Современника“. Долгоруков старается здесь доказать, что анонимное послание уже потому не может быть приписано ему, что он все время находился в самых лучших отношениях с близкими друзьями Пушкина: Горчаковым, Вяземским, Данзасом, а это было бы невозможно, если бы они считали его автором гнусной провокации. Кроме того, в только что опубликованной и подготовленной к печати А. В. Крестовой „Автобиографии“ А. О. Смирновой—современницы А. С. Пушкина (изд. „Мир“, 1931 г.)—Россет рассказывает (стр. 299), что после получения многими лицами известных анонимных писем „все единогласно обвиняли банка Долгорукова“; он „один способен на подобную гадость“, — добавляет А. О. Смирнова.

С тех пор вопрос о действительной роли Долгорукова в дуэли Пушкина не переставал быть предметом внимания пушкинистов. В 1924 г. Б. Л. Модзалевский в своей статье „Кто был автором анонимного пасквиля на Пушкина?“ сгруппировал и проанализировал все накопившиеся по этому поводу материалы и пришел к выводу о несомненной виновности Долгорукова. „Именно на Долгорукова,—так заканчивал свое исследование Модзалевский,—по совокупности данных ложится подозрение, подкрепляемое ныне убеждением Соболевского, и пока не будет документально доказано, что

пасквиль писал и составлял кто-либо другой, именно Долгоруков должен считаться автором гнусной интриги, положившей предел цветению светлого гения Пушкина" („Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина“ Б. Л. Модзалевского, Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского. „Атеней“, Петербург, 1924 г.)

После того П. Е. Щеголев подверг графическому исследованию почерк анонимного послания и обыкновенный почерк Долгорукова и на основании тщательного изучения пришел к твердому убеждению в тождественности автора анонимки и Долгорукова.

Обоим исследователям остался, однако, неизвестным один документ, который, будучи недостаточен для решительного опровержения выводов Модзалевского и Щеголева, должен все же привлечь внимание исследователей. Этот документ — публикуемое нами письмо Долгорукова к М. П. Погодину от 24/12 декабря 1865 г. Заключающийся в этом письме резкий, можно сказать, бешеный протест Долгорукова против возводимого на него обвинения вызван был примечанием П. И. Бартенева, редактора журнала „Русский архив“, к „Воспоминаниям гр. В. А. Сологуба“, напечатанным в указанном журнале в 1865 г. На странице 768 этого журнала за указанный год Бартенев процитировал следующие слова Аммосова: „Автором записок (безмянных) Пушкину подозревали барона Гекерна-отца и даже писали об этом графу Бенкендорфу. После смерти Пушкина многие в этом подозревали князя Гагарина (Ивана Сергеевича, ныне иезуита); теперь же подозрение это осталось за жившим тогда вместе с ним князем Петром Владимировичем Долгоруковым (известным под прозвищем *le bancale*). Поводом к подозрению кн. Гагарина в авторстве безмянных писем послужило то, что они были написаны на бумаге одинакового формата с бумагой кн. Гагарина. Но, будучи за границей, Гагарин признался, что записки действительно были писаны на его бумаге, только не им, а князем П. В. Долгоруковым“.

Другое из печатаемых нами писем Долгорукова к Погодину интересно характеристикой отношения русского правительства к Погодину и замечаниями о подготавливавшихся Долгоруковым „Записках“. В нем описана также встреча Долгорукова в Швейцарии, в Интерлакене, с „либеральным“ министром народного просвещения А. В. Головинным. Эти строки из письма Долгорукова помогают расшифровать одно место в статье А. И. Герцена „Болтовня с дороги“, напечатанной в № 203 „Колокола“ от 1 сентября 1865 г., в которой Герцен, явно со слов самого Долгорукова, передает эту встречу, умалчивая, однако, о подлинных словах, которыми Долгоруков ответил Головинну, отказавшемуся признать в родовитом эмигранте своего старого знакомого.

Оба письма, как уже указывалось, адресованы М. П. Погодину. Что связывало последнего, историка-реакционера и типичного представителя чиновничьего мира николаевской России с эмигрантом Долгоруковым? Этот вопрос невольно напрашивается сам собой, ибо, уже не говоря о разнице в политических убеждениях, сами сношения с опальным аристократом могли навлечь на Погодина гнев царской полиции. На этот вопрос трудно ответить, но надо здесь отметить, что, повидимому, принимались какие-то меры предосторожности. Так, первое письмо было передано Погодину за границей, а второе, видимо посланное в царскую Россию, осталось не подписанным... По всей вероятности, их связывала только возможность обмениваться историческими материалами, ибо Долгоруков был хранителем ценных исторических документов, а Погодин по своему положению и неоднократно демонстрированным верноподданническим чувствам был вне подозрений со стороны царской охранки.

Письма Долгорукова написаны крайне нервным, неразборчивым почерком на обычной почтовой бумаге.

Письма П. В. Долгорукова

1. Письмо первое ¹

Женева. Saint Jean, Campagne Raisin.
14/2 Октября 1865 г

Сожалеею, милостивый государь Михаил Петрович, что не увижусь с вами и что вы не завернете в Женеву, лишь на три часа езды отстоящую от Лозанны, через которую лежит ваш путь в отечество. Непременно займусь, вследствие вашего письма, розысканием бумаг Веселовского и Вольтера. Охотно сообщил бы вам последствие моих разведок для напечатания в каком-нибудь русском журнале, но как это сделать? Правительство русское до такой степени просвещено и либерально, что не позволяет друзьям и даже родным эмигрантов с нами переписываться открыто. Уж чего Николай Павлович не отличался гуманностью, но по крайней мере он был медведем без притязаний на либерализм: прямо объявил себя медведем и дозволял Александру Тургеневу быть в самых коротких отношениях с братом его, в то время эмигрантом. Ныне не то: сношение с эмигрантами причислено даже для самых близких родных к государственным преступлениям, словно в Бухаре или в Хиве. В прошлом году я послал по почте в Русский архив несколько исторических сведений, разумеется, совершенно чуждых политике современной. Письма в России всегда распечатывали втихомолку, но ныне прогресс достиг и до самых Шпекиных, письмо мое распечатали открыто и возвратили мне по почте же. А что распечатано оно в почтамте, то доказывает вид пакета, мною тщательно сохраненного. Вы видите, что граница Европы находится на Немане и дальше не простирается...

Я приготавливаю теперь к печати мои Записки на французском языке. Они будут многотомны, потому что я, как вам известно, многое видел и многое знаю. Начну Записки не с себя, а с моего деда, отца и дядей, потому что есть подробности и анекдоты, которые следует сохранить. Вовсе не преувеличивая своего таланта, полагаю, что мои Записки будут любопытны, вследствие особенности моего положения. Это будет замогильная речь живого человека: стесняться мне нечем; я могу говорить полную истину о всем и о всех; для России

¹ На обороте 4-й страницы подлинника этого письма сделана надпись рукою М. П. Погодина: „Октябрь“.

самодержавной, для России рабской я умер, а Россию свободную, конституционную, по правде сказать, не надеюсь увидеть. Лет восемь или десять тому назад я полагал, что в России скоро водворится свобода, но события последних трех лет доказали мне, что русские еще не излечились от чумы, внесенной в нашу кровь монгольским владычеством. Русский человек, подобно французу легкомысленному, храбр на поле битвы, но на поприще гражданском труслив и подл... У француза это в характере; у нас это следы рабства многовекового.

Кстати о монгольстве. Вы вероятно слышали о моей встрече с Головниным в Интерлакене; я ему говорю: „Здравствуйте, Ал. Вас.“, а он мне в ответ: „мы с вами более не знакомы“. Я ему крикнул: „ах! ты подлец!“ А он преспокойно продолжал свой путь. Этот человек мне в старину говаривал свое мнение (самое деликатное) о самых высоких лицах в России, а сделавшись министром, вздумал от меня отвернуться. В моих Записках я выведу на свежую воду этого деспота, прикрывающего себя личиною любителя свободы: из Головнина можно выкроить двух Робеспьеров, да еще обрезки останутся...

Головнину даже невозможно, для извинения, сослаться, подобно Ивану Тургеневу, на расстроенный желудок. Вы помните, что у Ивана Тургенева желудок не варил и он постоянно лечился от этого недуга. Лечение имело успех... неожиданный: пищеварение из тугого превратилось в слишком легкое и при чрезвычайной трусости Ивана Сергеевича, дело доходило до того, что при встрече со своими прежними знакомыми, Тургенев принужден бежать домой для немедленной перемены белья...

Вот вам еще монгольский анекдот. Рядом с занимаемою мною дачею, находится другая, более обширная, принадлежащая тому же самому хозяину, но с отдельным садом, отдельным двором и совершенно отдельным входом. Эту дачу хотела нанять и сторговала за 4500 франков в год графиня Стенбок, жена моего старого товарища по пажемскому корпусу, гофмейстера графа Юлия Стенбока. Муж ее, в Женеве не находящийся, узнает, что я живу рядом с этой дачею, и по телеграфу присылает своей жене запрещение нанимать дачу, смежную с моею. Пришлось графине уничтожить написанное условие, и ее холопское сиятельство должна была доплатить г-ну Raisin полторы тысячи франков отступного. Правда, что супруг ее управляет удельными именьями, а потому за деньгу не постоит... Вы легко можете понять, какой хохот по всей Женеве при известии о холопском поступке русского графа...

Когда окончу издание моих Записок, буду заниматься русскою историею, для чего и вывез из России книги и материалы...

Желаю вам доброго здоровья, остаюсь вашим покорным слугой.

Петр Долгоруков.

Когда окончу издание моих Записок, буду заниматься русскою историею, для чего и вывез из России книги и материалы...

Желаю вам доброго здоровья, остаюсь

вашим

покорным слугой.

Петр Долгоруков

Веселовский Авраам — русский дипломат восемнадцатого столетия. Был замешан в деле Алексея Петровича, сына Петра I, бежал за границу, где и умер.

Тургенев Александр — брат известного декабриста Николая Тургенева, который свыше сорока лет провел за границей в качестве эмигранта. Александр Тургенев был видным чиновником в эпоху Александра I — директор департамента главного управления духовных дел иностранных вероисповеданий, статс-секретарь Государственного совета и т. д. Во время Николая I работал за границей по собиранию русских архивов. Очень любил своего брата-эмигранта, состоял с ним в переписке и материально ему помогал.

Головин, Александр Васильевич (1821—1886) — чиновник морского министерства, с 1861 до 1866 г. министр народного просвещения, впоследствии член Государственного совета. Лидер кружка либеральных бюрократов, группировавшихся вокруг великого князя Константина Николаевича.

2. Письмо второе

Genève, Saint-Jean, campagne Raisin,
 24
 /12 Декабрь 1865

Genève, Saint-Jean, campagne Raisin 24/12 декабря 1865 ¹

Милостивый Государь Михаил Петрович, согласно данному мною Вам обещанию, я искал здесь бумаги Веселовского и Вольтера в Публичной библиотеке и обрел—шиш! Вольтера бумаги остались все у его племянницы madame Denis и увезены во Францию. Веселовского здесь бумаг нет никаких, но весьма быть может и даже вероятно, что есть в Англии, у его потомков по женскому колену. Вот сведения о Веселовском (Авраам Павлович).

Он женился в Женеве на Мариане Фабри (Fabri) и умер в Женеве в 1782 г. 97 лет от роду (родился в 1685 году).

У него было четыре дочери, из коих три старшие были замужем.

1) Екатерина за женеvцем (Philibert Cramer), она вышла замуж 15 сентября 1766 г.; овдовела в 1779 году и, как вещает предание, зело погуляла на своем веку. От нее существуют потомки, но бумаг никаких не имеют.

2) Райнария (Renée) за англичанином, пастором Simpkinson. Сын ее John Simpkinson оставил сыновей и дочь Марию-Луизу, вышедшую за James Dixon. Этой-то Renée Веселовской, по мужу Simpkinson, достались вещи отца ее и в том числе табакерка, подаренная Петром I Аврааму Веселовскому после битвы Полтавской. Вещи эти вероятно находятся у старшего внука г-жи Симпкинсон в Англии. Очень вероятно, что у него есть и бумаги предка:—обратитесь к нему.

3) Мария за англичанином Clisson. Есть потомство.

Теперь вот вам сведения о Веселовских из моего домашнего архива.

¹ На подлиннике рукою М. П. Погодина на первой странице этого письма, сейчас же под датой, сделана карандашная надпись: „Князя П. В. Долгорукого“.

Павел Веселовский был родственник вице-канцлеру барону Шафирову, и подобно ему, был сыном крещенного еврея польского, приписавшегося к польской шляхетской фамилии Весиоловских (Wesiolowski) и подобно им, употреблявшего герб Огончик (Ogonczyk). Павел Веселовский женат был на Марии Николаевне Аршеневской, отец которой, Николай Феодорович Arszepewsky, смоленский шляхтич, по возвращении Смоленска России при царе Алексее вступил в русскую службу и был подполковником регулярных войск (от него происходят Аршеневские). От этого брака Павел Веселовский имел 3-х сыновей: — Авраама, Исаака и Федора. Овдовев, Павел Веселовский женился вторично, но на ком не знаю, и от 2-го брака имел 2-х дочерей: — одну за Дурновым, другую за Щепотьевым.

Вчера получил я 46 № Современной Летописи и вижу (стр. 12), что сумасшедший Хавский уверяет, будто закон о престолонаследии сочинен Павлом в 1788 году с согласия (!!!) Екатерины! Граф Петр Александрович Толстой, бывший генерал-адъютант Павла, рассказывал мне слышанное им уже в царствование Александра I от двух лиц весьма друг другу враждебных, но одинаково хорошо имевших средство знать придворные секреты, а именно от Вас. Степ. Попова, правителя канцелярии Потемкина, и от графа Кутайсова, что если бы не умер Потемкин, то Александр Павлович по достижении 16-ти летнего возраста, был бы объявлен наследником, а Павла бы Екатерина и Потемкин принудили к отречению от престола в таком случае, что при его трусости, было весьма возможным. Он же рассказывал мне, что в Сенате в Синоде лежали какие-то запечатанные пакеты, коих содержание ему, графу Толстому, было и осталось неизвестным, и что было приказание вскрыть эти пакеты в день смерти Екатерины. Об этом Безбородко уведомил Павла пока еще Екатерина лежала в своем продолжительном предсмертном хрипении; пакеты были тотчас вытребованы Павлом; генерал-прокурор граф Самойлов отставлен и заменен братом Павлова друга кн. Алексеем Куракиным, а Безбородко осыпан наградами. Вспомните место из записок Раstopчина, где он описывает, с каким трепетом Безбородко вошел к докладу у Павла и с каким торжеством вышел...

В 8-м и 11-м №№ Русского Архива подлец Петрушка Бартнев уверяет, что или я или Гагарин писали безыменное письмо Пушкину. Ведь знает меня этот подлец, знает, что это вещь невозможная, но клеветает в угоду моим врагам. Уж если я этого подлеца где-нибудь встречу, то сломаю ему трость на

его, столь гибкой, спине... Обвинение на Гагарина—также клевета...

Вы, Михаил Петрович, один из главнейших членов Московского Общества Истории и Древностей, издающего эти превосходнейшие Чтения, один из самых драгоценных материалов для русской истории. Как же Вашему Обществу не стыдно,

№ 11 ~~№ 11~~ Русского Архива поднесу Петруше
Бареневу уверение, что сам я сам Тургенева
никогда не делил с ним никаких дел...
знаю сам. Но М. поднесу, знаю,
что это вещь невозможная, но килке...
в виду моих врагов. Упрям
а этого поднесу дел-милую ветриву
то сколько ему проль на во, стили рубкой, бр...
обвинение на Тургенева — нехорошо килке...

что оно доселе не устроит, чтобы на Чтения можно было за границей подписываться, точно как на русские журналы, или в Берлине, или в Гейдельберге, или в Базеле?.. Досель я получаю „Чтения“ через одного из заграничных книгопродавцев раз в год.

Усердно кланяюсь и полагаю, что без подписи угадаете имя мое?

